

A watercolor-style illustration of a young man with brown hair, wearing a green jacket and blue jeans, sitting on a muddy bank by a pond. He is looking thoughtfully to the right. In the background, a large white church with blue domes and golden crosses stands on a grassy hill, reflected in the water. The scene is set in a lush, green environment with trees and foliage.

Павлова Ольга

МИЛОСТЬ ДЛЯ ЛИШНЕГО

ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОЗА

Ольга Павлова

Милость для лишнего

<https://litres.ru/73882033>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей был блестящим хирургом, пока жизнь не превратилась в череду предательств и дно дешевых кабаков. Когда последняя надежда угасла в грязной подворотне, случайная встреча отправляет его в Дивеево — место, где время замирает, а небесное пение сестер способно склеить даже самую разбитую душу.

Это история жизни, о том, как потерять всё, чтобы обрести истинную силу. О возвращении в мир, где вместо «завидного достатка» Андрей выбирает служение «лишним людям». Сможет ли вчерашний изгой стать врачом для тех, от кого отвернулось общество? И хватит ли одного дивеевского сухарика, чтобы согреть тех, кто замерзает в человеческом безразличии?

Ольга Павлова

Милость для лишнего

На дне (Настоящее)

Город отверг его, как лишнюю, непрошеную слезу, которую поспешно смахнули с холодного лица. Здесь, на самом краю мегаполиса, где ровные дороги обрывались в серые, изъеденные временем раны промзоны, слово «нежность» звучало как забытый шепот на ветру. Здесь не умели прощать — здесь лишь молча держались за тонкую нить жизни, боясь выпустить её из остывающих рук.

Последние суровые дни зимы превратились в тихую, безнадёжную мглу. Он уже не помнил, как оказался в этой бетонной клетке, где стены, казалось, плакали вместе с ним ледяной сыростью. Голод больше не терзал — он стал тихой, глубокой пустотой внутри, смиренным ожиданием конца. Сознание гасло, словно догоравшая свеча, погружая его в мягкое, бесприютное забытье.

Каждое его утро пахло ржавчиной и застоявшимся холодом. Андрей открыл глаза, но мир вокруг не посветлел — подвал лишь сменил черную мглу на серую сырость. Он попытался пошевелиться, и куртка, пропитанная грязью и потом до состояния панциря, отозвалась сухим, почти древес-

ным хрустом. Пальцы, огрубевшие и растрескавшиеся, как старая кора, не слушались. Времени больше не существовало — были только циклы озноба и короткого забытья.

Он выбрался наружу, где город тут же встретил его колючим, злым ветром, словно пытаясь прогнать прочь. Кутаясь в обноски, Андрей еле выбрался из подвала и побрел к храму, но не ради молитвы — Бог казался ему слишком чистым и далеким для того подвала, в котором он привык гнить. Он шел «на удачу», надеясь лишь на ту звенящую милость, которую люди бросают в протянутую ладонь, пытаясь хоть ненадолго утихомирить собственную совесть.

Внезапно небо рухнуло белой стеной. Началась метель, такая плотная, что очертания многоэтажек, до которых он дошел, растворились в считанные секунды. Мир исчез. Остались только хриплое дыхание, ледяные иглы в лицо и где-то вдали золотой купол, мерцающий сквозь снежную круговерть, словно галлюцинация.

Снег забивался за воротник, таял на горячем от ходьбы загривке, но Андрей не ускорялся. Ноги сами несли его по знакомому маршруту, пока в голове, как старая киноплёнка, прокручивались кадры из той, «прошлой» жизни.

«Вера? Какая еще, вера?» — Андрей сплюнул густую, серую слюну в сугроб.

Для него это всегда было чем-то из области фантастики. Отец и мать — простые работяги, жили «от звонка до звонка», от полочки до аванса, и в их мире для молитв просто не

оставалось времени. «Никто тебе ничего на блюде не принесет, Андрейка», — говорил отец, втирая мазь в натруженные суставы. — «Только сам. Своими мозолями». — Не жди милости. Схватил — твое. Упустил — подыхай».

И Андрей добивался. Сам поступил, сам зубами выгрызал место под солнцем, сам строил ту жизнь, которая теперь казалась чужим сном. Андрей выгрызал право называться хирургом годами бессонных ночей, над учебниками, от которых ломило глаза. Его путь был выложен не связями, а кропотливым, почти фанатичным трудом. Сокурсники шептались за спиной, пуская ядовитые стрелы зависти в адрес «золотых рук» и его невероятного чутья.

В памяти всплыл тот морозный вечер на втором курсе: почерневший лед реки, отчаянный крик и тонущий рыбак, уже уходящий под воду. Тогда Андрей, не раздумывая, бросился в ледяное крошево. Он помнил, как жгло легкие, как немели пальцы, вытаскивая тяжелое, обмякшее тело на берег. Тогда он впервые ощутил этот трепет — право возвращать жизнь, когда смерть уже коснулась плеча.

Но сейчас, глядя на свои обветренные и грязные руки, он чувствовал лишь едкую горечь. Тот азарт спасателя, та гордость за каждый точный стежок — всё утонуло в холодном расчете Насти. Оказалось, спасти чужого человека из полыньи было проще, чем удержать на плаву собственную душу, когда близкий человек методично толкает тебя под лед.

В той, прошлой жизни, всё казалось предсказуемым и

подчиненным его воле. Андрей привык полагаться на точность движений и ясность ума, а не на высшие силы. Никакой Бог не помогал ему закрывать сложные сделки, вытягивать безнадежных пациентов или чинить машину в гараже до рассвета. Всё было логично: есть действие — есть результат. Он сам был архитектором своего благополучия, твердо веря, что мир стоит на фундаменте из цифр, усилий и понятных правил.

Если в благополучии Бог был не нужен, то зачем Он сейчас, когда всё рухнуло? Чтобы смотреть на этот позор? Если Ты есть, то почему молчал, когда было хорошо, и почему молчишь теперь, когда плохо? Андрей горько усмехнулся: выходило, что Бог — это либо лишний свидетель успеха, либо бесполезный зритель беды.

Храм вырос из белой мглы внезапно, ударив по глазам золотым отблеском.

Вдруг звук колокола ударил в самую рану. Высокий, чистый, невыносимый.

Удар колокола отозвался в замерзших висках не благовестом, а звоном тонкого хрустала, разлетающегося вдребезги о мраморный пол. Тот же ритм, та же безвозвратность.

Андрей замер у подножья лестницы, и перед глазами, перекрывая серую метель, вспыхнул ресторанный зал. Свет, кружево, запах дорогих духов и её смех — легкий, как пузырьки шампанского. Тогда, под восторженные крики гостей, он со всей силы швырнул бокал «на счастье». Острые

осколки сверкнули под софитами, как маленькие бриллианты. Он был королем, он верил, что это счастье — гранитное, вечное, заработанное его собственным хребтом.

Второй удар колокола.

Иллюзия рассыпалась. Вместо хрусталя под ногами — грязный лед, вместо шелка на плечах — вонючая ветошь. Тот звон обещал начало, этот — отпевал остатки его гордости. Оказалось, что вся его «железобетонная» жизнь была такой же хрупкой, как тот бокал. Один удар судьбы — и всё разлетелось острыми краями, которые теперь резали его изнутри каждый раз, когда он пытался вспомнить себя прежнего.

— На счастье, ... — прохрипел он, чувствуя, как на ресницах замерзает не то снег, не то непрошенная слеза. — Ну и зачем Бог?

Он вспоминал, как не сводил глаз с Насти. Она казалась воплощением чистоты: облако белого шелка, тонкие запястья и взгляд, полный такой кроткой преданности, что у него перехватывало дыхание. Его нежная, его единственная «овечка» — он был готов выстелить весь мир у её ног, лишь бы она улыбалась. Он строил их жизнь как крепость, не замечая, что за фасадом из ласковых слов и прикосновений скрывается ледяная расчетливость хищницы.

Эта «овечка» присматривалась не к его любви, а к его активам, примеряя его хребет не как опору, а как ступеньку. Теперь, стоя в обносках у храма, он понимал: тот хрусталь-

ный звон на свадьбе был не предвестником счастья, а первым звуком крушения его жизни. Она сбросила кроткую маску ровно в тот миг, когда брат стало больше нечего, оставив его гнить в этой бетонной пустоте.

Её лицо, которое он привык считать символом нежности, в миг последнего разговора преобразилось, став чужим, пугающим и резким. Мягкие черты будто застыли, превратившись в посмертную маску из холодного фарфора. Взгляд, когда-то лучившийся преданностью, теперь смотрел на него с нескрываемым, брезгливым торжеством — так смотрят на использованную вещь, которую наконец-то разрешили выбросить.

Настя даже не пыталась смягчить удар. В её голосе, лишенном прежних певучих ноток, зазвучал сухой металл. Она стояла перед ним, безупречная и недостижимая, и в каждом движении её холеных рук сквозила ледяная стервозность хищницы, загнавшей добычу. Она не просто уходила — она методично добивала его, наслаждаясь своей властью и его беспомощностью. В ту последнюю минуту, когда он искал в её глазах хотя бы тень раскаяния, он увидел лишь пустую, расчетливую бездну. Овечья шкура сползла, обнажив оскал зверя, который никогда не умел любить, а лишь выжидал момента, чтобы вцепиться в горло.

Методичные удары колокола больше не были музыкой — они превратились в удары молота, который с каждым разом всё глубже вколачивал Алексея в промерзшую землю, напо-

миная: то, что разбито вдребезги, уже не склеить. Нужно либо бросать осколки, либо резаться о них до конца.

Это воспоминание-вспышка резала Андрея сильнее, чем мороз на улице.

Метель на мгновение стихла, и в этой тишине из белой мглы выплыло лицо Насти. Не той, измученной бытом жены работяги, а «новой» Насти — лощеной, пахнувшей дорогим кремом и равнодушием.

Он снова был там, в их светлой спальне. Андрей, только что вернувшийся после двенадцатичасовой смены в хирургии, еще чувствовал на пальцах фантомное давление зажима. Он спас чью-то жизнь, он был «вершителем судеб» в белом халате, пока не вошел в комнату.

Настя стояла у зеркала. Она методично, с какой-то пугающей аккуратностью, выводила контур на своих надутых губах.

— Я ухожу, Андрей, — бросила она отражению. Голос был ровным, как линия на кардиограмме трупа. — К человеку, который не пахнет спиртом и чужим горем. К более успешному.

Он замер, не в силах осознать услышанное.

— Насть, что ты такое говоришь? Мы же... я же всё для нас...

Она наконец обернулась. Поправила макияж, скользнула по нему коротким, брезгливым взглядом и усмехнулась:

— Ты оказался туфяком. Просто врачихка с вечным комплексом спасателя. Мне мало твоего «всё», мне нужно другое.

Андрей любил её всем своим существом — открыто, доверчиво, без остатка. Для него каждый жест, каждое «люблю» были абсолютной истиной, священным обетом, который он скреплял не словами, а самой жизнью. Он строил их общий мир на фундаменте своей искренности, не подозревая, что для Насти это была лишь удобная декорация.

Когда Настя с ледяным спокойствием выложила перед ним бумаги на развод и раздел имущества, Андрей увидел число.

Оказалось, она подготовила иск и переписала активы именно в тот день, когда он четырнадцать часов кряду вытаскивал с того света ребенка, пострадавшего в аварии. Пока он, одуревший от усталости и запекшейся крови на перчатках, верил, что совершил чудо и заслужил право на тихий вечер дома, она вызывала нотариуса.

Логика, в которую он верил, разбилась о простой факт: его самопожертвование и профессиональный триумф в её системе координат не стоили и ломаного гроша. В мире Насти не было места подвигу — там был только вовремя нанесенный удар в спину, пока он — «вершитель судеб» отмывал руки

от чужой крови.

Боль от предательства выжигала его изнутри именно потому, что он был настоящим. Он не играл в чувства, он ими дышал. И когда оказалось, что его нежность была для неё лишь ресурсом, а его преданность — поводом для скрытой насмешки, внутри что-то окончательно оборвалось. Настя вышла из этих руин с холодным сердцем и полными карманами, а Андрей остался погребённым под обломками собственной честности. Его руки дрожали не от слабости, а от чудовищного резонанса: его живое, кровоточащее «люблю» разбилось о её ледяное, расчетливое «какая разница».

В тот вечер мир Андрей рухнул тише, чем разбитый бокал на свадьбе, но разрушения были фатальными. На следующее утро в операционной он не смог сделать надрез. Скальпель в правой руке начал выбивать чечетку о металл лотка. Руки, которые раньше шили сосуды тоньше волоса, превратились в предателей. Они тряслись от ярости, от унижения, от пустоты.

Потом пришел на помощь стакан. Сначала — чтобы унять дрожь. Затем — чтобы стереть из памяти её холодные губы. Спирт, который раньше дезинфицировал его руки, теперь начал выжигать его душу изнутри. Хирург Андрей умер, оставив вместо себя это грязное, хрустящее от холода нечто, бредущее сейчас к паперти.

Это было похоже на медленное погружение в болото: сначала ты барахтаешься, а потом жижка становится теплее и

привычнее чистого воздуха.

Андрей и сам не заметил, как белые халаты сменились серым тряпьем, а стерильный запах спирта в операционной — вонючим перегаром дешевого пойла в подворотне. Грань стерлась. Вчера он зашивал рваные раны, сегодня — затягивал пояс потуже, чтобы унять голодный спазм.

Его «новые друзья» возникли из сумерек города, как тени. Обиженные судьбой, выплюнутые системой, забытые Богом. У каждого в глазах — та же пустота, что и у него. У одного — сгоревшая квартира, у другого — предательство сына, у третьего — просто слабость, разросшаяся до размеров пропасти.

В этом кругу не спрашивали дипломов и не смотрели на дрожащие руки. Здесь все были равны в своем ничтожестве. Андрей, который когда-то гордился тем, что «сделал себя сам», теперь стал частью безликой массы «лишних». Они сидели в полумраке заброшенного подвала, передавая по кругу мутную бутылку, как священную чашу. И в этом ритуале было больше искренности, чем во всех словах Насти.

— Пей, хирург, — хрипел ему в ухо некто по кличке Седой. — Здесь скальпель не нужен. Здесь нужно только забыть.

И он забывал. Забывал вкус нормальной еды, блеск операционных ламп и ту минуту у зеркала, когда его жизнь превратилась в туфту. Этот момент вдребезги разбивал всё, что Алексей раньше думал о людях. Оказывается, дно — это

не просто выгребная яма с грязью, а место, где среди нищеты и обносков теплится странное, болезненное благородство. Он вдруг увидел, что те, кого мир давно списал в утиль и вычеркнул из списков живых, сохранили в себе какую-то тихую, неброскую чистоту, которая оказалась куда дороже лощеного блеска его прошлой жизни.

В подвале, при тусклом свете огарка свечи, голоса бродяг сплетались в один хриплый хорал. Андрей слушал, и пелена «отбросов общества» спадала с его глаз.

— Я ведь сады растил, — тихо говорил старик Седой, разглядывая свои черные, треснувшие ногти. — В питомнике работал. Каждую яблоньку знал по имени... А когда сын дом продал, я ушел. Не смог в четырех стенах чужих людей сидеть. Мне просто земли не хватило под ногами.

Рядом шмыгал носом рыжий паренек с вечно испуганным взглядом. Он не пил, только грел ладони о пустую кружку.

— А я сестренку ждал из интерната. Думал, заработаю, заберу... Да вот, на стройке кинули, паспорт отобрали. Теперь ищу её, а как показаться такой? Она ж помнит меня красивым.

Этот старик, которого все звали просто дед Михей, сидел в самом темном углу подвала, кутаясь в лохмотья старого драпового пальто. Его кожа казалась пергаментом, на котором время записало все свои обиды.

Когда дед Михей начинал говорить, в подвале наступала

тишина. Даже самые дерзкие бродяги приглушали голоса.

— Сын-то у меня... способный, — шелестел старик, и в его слезящихся глазах вспыхивал тот самый неповторимый свет, о котором догадывался Андрей. — Архитектором стал. Я ведь ради него на двух работах, Андрей. Мать-то их рано оставила. Я ему и за отца, и за няньку... Думал, гнездо строим общее.

Дед Михей зашелся сухим, надсадным кашлем, а потом горько усмехнулся:

— Невестка пришла — молодая, деловая. Сказала: «Папаша, вы тут лишний, тесно нам. У нас планы, евроремонт...» Сын-то голову опустил, в пол смотрел. А она бумагу сует — подпиши, мол, выписку добровольную, мы тебе домик в деревне купим. Подписал. Какое там «в деревне» ... У вокзала высадили, сумку с вещами в руки — и «прощай, папа, не поминай лихом».

Андрей смотрел на дрожащие руки старика, на его смирение, в котором не было ни капли злобы, только бесконечная, вселенская усталость. Это было страшнее предательства Насти. Его жена просто ушла к другому, а у деда Михея вырвали самый корень — смысл его долгой, трудовой жизни.

В этот момент Андрей почувствовал, как внутри него, за ледяной коркой цинизма, что-то болезненно дернулось. Со страдание обожгло его, как чистый спирт на открытую рану. Ему захотелось закричать от этой несправедливости, но ста-

рик лишь тихо погладил его по рукаву грязной куртки.

— Ты не сердчай на них, Андрей, — прошептал дед Михай.
— Они просто не знают, что за всё платить придется. А ты... ты человек хороший. У тебя глаза еще живые, докторские.

Этот «лишний» старик, выброшенный на помойку собственной кровью, вдруг оказался масштабнее и сильнее всех тех «успешных», кто остался там, наверху.

Андрей смотрел на них и видел: они не «пропавшие». Они — забытые, прижатые к обочине тяжелым сапогом судьбы, израненные, но живые. В каждом из них, под слоями многолетней копоти и запаха дешевого спирта, теплился свой крошечный, неповторимый свет. У одного это была память о цветущем саде, у другого — нелепая, чистая любовь к сестре, а у деда Михея — светлая безропотная душа и добрая память о сыне.

Эти люди вовсе не были «туфьяками», как когда-то с ядовитой брезгливостью посмеялась Настя. Напротив, перед Андреем сидели те, чья внутренняя мягкость и честность оказались слишком хрупкими, чтобы выстоять под безжалостным прессом этого бетонного мира. Презирать их было не за что — их можно было только пожалеть.

«Они ведь чище меня», — внезапно, словно острием скальпеля, кольнуло Андрея. Он осознал, что его пригнали сюда черная злоба и удушающая обида, в то время как они оказались здесь просто потому, что не смогли стать другими в этом жестоком раскладе. В их неспешных разговорах не

чувствовалось яда или зависти — в них жила лишь тихая, смиренная скорбь по навсегда утраченному дому. И под «домом» каждый из них понимал что-то своё: кто-то — родные стены, кто-то — детство, а кто-то — ту чистоту совести, которую так легко потерять в погоне за успехом.

Андрей смотрел на их огрубевшие лица, добрые измученные глаза и вдруг понял: всё его бывшее величие, его дипломы, статус и «золотые руки» — всё это была лишь блестящая шелуха. Настоящий человек начинался здесь, в этом подвале, где люди, лишённые всех земных благ, продолжали делиться теплом последнего слова и последней крошкой хлеба.

И этот свет в их глазах пугал его сильнее, чем метель снаружи. Потому что, если в них сохранилось что-то человеческое, значит, и у него нет оправдания, чтобы окончательно превратиться в ничтожество.

Раньше его мир был стерилен и предсказуем. В операционной Андрей был демиургом: один его жест — и медсестра подает зажим, один точный надрез — и смерть отступает. Он верил в логику, в силу воли, в то, что жизнь — это чертеж, который он сам рисует твердой рукой. «Управлять судьбой» для него было так же естественно, как дышать. Он презирал слабость, считая её отсутствием дисциплины.

А теперь он стал ничтожеством. Его жизнь сузилась до инстинктов: найти тепло, найти еду, найти забвение. Вместо сложных этических дилемм — животная радость от найденной в мусоре корки хлеба. Вместо уважения коллег — брезг-

ливые взгляды прохожих, ускоряющих шаг.

Он чувствовал, как под кожей нарастает эта ничтожная шерсть равнодушия. Когда-то он спасал жизни, а теперь готов был оскалиться на любого, кто посягнет на его угол в подвале.

— Ну что, хирург? — шептал он себе, впиваясь ногтями в ладони, чтобы почувствовать хоть какую-то боль, кроме холода. — Где твоя власть? Где твой скальпель, которым ты резал реальность под себя?

Глядя на деда Михея, Андрей понимал: этот старик остался человеком, несмотря на предательство сына. А он, Андрей, превратился в загнанного пса, который скулит и ненавидит весь мир за то, что тот не прогнулся под его желания. Оказалось, что «управлять жизнью», когда у тебя есть счет в банке и статус — легко. А вот остаться человеком, когда у тебя нет ничего, кроме этого снега в лицо, — это и была та самая высшая хирургия, которой он так и не обучился.

В нем боролись двое: прежний Андрей, который требовал справедливости, и нынешний «лишний», который хотел только одного — чтобы эта метель наконец прекратила рвать его затаенную боль и глубокую обиду.

Метель хлестала по лицу, а в голове набатом бил вопрос: «Если Ты — Бог, то почему Твои дети едят друг друга?»

Он снова вспомнил деда Михея. Если Бог — это высшая справедливость, то как Он допустил, чтобы старик, отдавшее всё сыну, догнивал в сыром подвале? Андрей злился. Его ра-

циональный ум хирурга требовал ответа: где в этой формуле жизни ошибка? Почему честность приводит в подворотню, а подлость — в уютные квартиры с евроремонтом?

«Ты приучаешь нас к смирению через грязь? — думал он, спотыкаясь о скрытый под снегом бордюр. — Или Тебе просто скучно смотреть на нашу правильную, стерильную жизнь, и Тебе нужны эти драмы?»

Раньше Андрей верил, что он — капитан своего корабля. Теперь он понимал, что был лишь щепкой, которую вынесло на берег. И это бесило его больше всего. Он не мог простить Богу не зла, а именно этого молчания. Бог для него всегда был «лишним» элементом, пока всё шло по плану. А теперь, когда план сгорел, Бог стал единственным адресатом для его ярости.

— Ты молчал, когда я спасал людей, и я думал — это моя заслуга, — шептал он, глотая ледяную пыль. — Ты молчал, когда Настя уходила, и я думал — это моя слабость. А теперь Ты молчишь, когда мыдохнем здесь, как крысы. Так зачем Ты вообще нужен, если от Тебя ни помощи, ни объяснений?

Он искал логику там, где была только вера, и искал виноватого там, где была только его собственная разрушенная гордость. Для Андрея Бог сейчас был не спасителем, а холодным хирургом, который проводит операцию на его душе без наркоза. И этот «пациент» в грязной куртке изо всех сил пытался вырваться с операционного стола судьбы.

Колокол затих и Андрей вошел в храм не как прихожанин,

а как вор, крадущий чужое тепло. Тяжелая дубовая дверь отсекла вой метели, и на мгновение Андрею показалось, что он оглох. Тишина внутри была густой, пахнувшей воском, ладаном и старым деревом.

Каждый раз он сразу забирал вправо, в густую тень за массивной колонной. Сжимался, стараясь казаться меньше, превратиться в бесформенную кучу тряпья. Его била крупная дрожь — тело, привыкшее к минусу, в тепле начало оттаивать, и эта боль была почти невыносимой. Боль возвращения жизни в онемевшие конечности.

Андрей втянул голову в плечи. Он ждал, что сейчас к нему подойдет строгая старуха в платке или крепкий охранник, учует запах подвала и укажет на дверь. «Пошел вон, здесь чисто, здесь свято, а ты — лишний», — эти слова уже были заготовлены в его голове, он ждал их с горьким триумфом, чтобы лишний раз доказать себе: Бог только для чистых.

Но к нему никто не подошел.

Из своего укрытия он видел только мерцание свечей — сотни крошечных живых огоньков, которые дрожали от каждого вдоха. Они напоминали ему тот самый «свет в душах», о котором он думал в подвале, глядя на деда Михея.

Здесь, в полумраке, грань между «ничтожеством» и «хирургом» начала медленно размываться. Его уже не слепил блеск золотых куполов, теперь он видел только лики на иконах. Они смотрели на него из темноты — не с осуждением, а с каким-то застывшим, вековым ожиданием. Словно они

уже видели тысячи таких Андреев, и у каждого была своя Настя, свой разбитый бокал и свой подвал.

Тепло храма не просто согревало кожу, оно начало просачиваться глубже, под «панцирь» грязной куртки, туда, где за колючей проволокой обиды всё еще билось сердце бывшего врача. Андрей вдруг увидел тень человека в углу, хотя минуту назад никого не было.

Андрей зажмурился, надеясь, что тепло просто играет с его измученным сознанием злую шутку. Но, когда он открыл глаза, тень перед ним уплотнилась.

Из полумрака храма к нему вышел человек. Он не шел — он словно проявился из самого воздуха, беззвучно и неотвратно. На нем был простой черный подрясник, сливавшийся с темнотой угла, а густая черная борода и волосы казались еще темнее на фоне бледного, сияющего лица.

Андрей вжался в колонну. Это не был священник из тех, что он видел раньше. У этого человека не было возраста: кожа была гладкой, без единой морщины, но глаза... Это были глаза неземного человека, видевшего начало и конец мира. В них застыла такая концентрация любви и сострадания, от этого Андрею стало физически больно, словно в его гноющуюся душу без предупреждения влили концентрированный антисептик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.